

М. Г. Кондратьев

**На пути от незнания к знанию:
о музыкальной науке в республиках Волго-Уралья**

Аннотация

В статье рассматриваются тенденции, связанные с многократным увеличением количества диссертационных исследований в области музыковедения в республиках Волго-Уральского региона в постсоветский период. Отмечается, что разрабатывая частные вопросы, музыковеды региона обращаются также к фундаментальным проблемам музыкальной культуры местных народов.

Ключевые слова: республики Поволжья и Приуралья, музыкальное регионоведение, народная музыка, методология диссертационных исследований.

М. G. Kondratyev

**On the way from unawareness to knowledge:
science of music in the Volga-Ural republics**

Summary

One of the notable phenomena in the post-Soviet era was the development of music science in non-metropolitan regions of the country. In the Bashkir, Mari, Mordovian, Tatar, Udmurt, Chuvash republics musicology centers have been formed, carrying out research by local experts. Nevertheless, the shortage of musicological “impact” on musical processes going on in the “non-capital” areas of Russian regions was felt until the end of the Soviet era. The process intensified sharply after the collapse of the Soviet Union. The focus of the most significant research is on folk music traditions.

Researching many private issues of the development of musical art of peoples and republics, musicologists of the region also turn to the development of fundamental concepts, without which it is not possible to find an adequate methodology for understanding the essence of modern musical culture of the Volga-Ural region.

Keywords: Volga-Ural republics, local music history, folk music, theses research methodology.

В постсоветское время во всех направлениях изучения отечественной истории и культуры произошла смена парадигмы. В нашей области, музыковедении, констатируется переориентация тематики и проблематики, открываются новые методологические, тематические и типологические поля. Одним из примечательных феноменов стала активизация музыкальной науки во внестоличных регионах страны. Исследователи отмечают, в частности, что резко повысилось внимание к изучению музыкального искусства народов России. «...Одной из наиболее многочисленных стала группа [диссертационных работ. — *М. К.*], посвящённая музыкальным культурам народов России... количество исследований, выполненных в 2000-е годы, выглядит просто рекордным», — пишет Т. И. Науменко [4. С. 42]. На «местах» стали регулярными научные конференции и издания музыковедческих сборников и монографий, что в советское время встречалось скорее как исключение.

Изучение музыкальных культур народов имеет специфику, связанную с сохранностью традиций, степенью включённости в современные культурные процессы, уровнем урбанизации, кадровым потенциалом на местах. Все эти моменты напрямую обусловлены масштабом и административно-политическим статусом этносов вплоть до государственных структур в федеративном устройстве страны в виде современных республик и автономных округов.

Россия — многонациональное государство. На её территории проживает более 190 народов. В это число входят как крупные (миллионные и полумиллионные), так и малочисленные народы, автохтонные и переселившиеся представители диаспор. По данным переписи 2010 года, всего семь народов в Российской Федерации имеют численность населения более миллиона человек. В состав коренного населения входят русские (наибо-

лее многочисленные), к другим крупнейшим народам страны относятся татары, башкиры, чувашы и чеченцы (с ними сопоставимы по численности украинцы и армяне, образующие собственные диаспоры в России). Ещё одиннадцать народов имеют численность более полумиллиона, в том числе коренных три — мордва, удмурты и марийцы.

Почти все из названных крупных народов сосредоточены в Волго-Уральской этнографической области, являясь так называемыми титульными народами в местных республиках: Башкирской, Марийской, Мордовской, Татарской, Удмуртской, Чувашской. В каждой сформировались собственные научно-музыковедческие центры, осуществляющие исследования силами специалистов, представляющих эти народы. Крупнейший из них — в Казани и именно в Казанской государственной консерватории, ставшей важнейшим центром изучения и развития музыкального искусства нашего региона. Здесь реализован подход, обозначенный ещё в XIX веке русским учёным В. А. Мошковым, который в книге «Мелодии чувашских песен» пришёл к выводу о том, что «изучение чувашской музыки было начато на месте знаатоками чувашского народа из местных жителей» [2. С. 42]. В XX веке эта точка зрения развивалась венгерской этномузыковедческой школой. «Музыкальная традиция какого-либо народа, — утверждает её авторитетный представитель Ласло Викар, — может быть глубоко изучена только исследователями, вышедшими из этого народа. Иностранец при самых лучших намерениях ограничен определённой предвзятостью, каковая может повлиять на его суждения» [6. С. 7] (рус. перевод мой. — *М. К.*).

Иной «полюс» изучения этнокультурной проблематики представлен в огромном полиэтничном пространстве российской Северной Азии, в котором проживают десятки народов, по сравнению с волжскими численно меньших. Среди них несколько являются титульными в республиках и национальных

автономных округах, а также сорок так называемых коренных малочисленных (народы численностью менее 50 тысяч человек). Последние не имеют собственных профессиональных письменных традиций и музыковедческих кадров. В Сибири сформировались музыковедческие центры изучения их угасающих культур. Эту задачу решают, прежде всего, музыковеды Новосибирской государственной консерватории им. М. И. Глинки и филологи Института филологии Сибирского отделения РАН. Из осуществлённых ими проектов следует назвать трёхтомник (в шести книгах) «Музыкальная культура Сибири» (Новосибирск, 1997). Заслуживает упоминания также гигантская шестидесяти томная серия публикаций «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», первый том которой вышел в свет в 1990 году. К настоящему времени выпущено 33 тома.

Мы хорошо помним редкие попытки мобилизации интеллектуальных сил в области изучения музыкального искусства национальных культур России: в 1948, 1958, 1973 и 1993 годах в Казани проводились всесоюзные и всероссийские совещания и конференции музыковедов и композиторов, посвящённые этой проблематике. В 1957 году в Москве вышла первая коллективная монография на эту тему «Музыкальная культура автономных республик РСФСР».

Тем не менее дефицит музыковедческого «оснащения» музыкальных процессов, идущих во «внестоличном» пространстве российских регионов, ощущался и в конце советской эпохи. В связи с этим Союз композиторов РСФСР организовал в Москве совещание музыковедов и фольклористов России по теме «Проблемы музыкальной жизни и творчества (итоги и перспективы)». Оно состоялось 2–5 декабря 1980 года.

Согласно сохранившейся программе совещания, два первых доклада обозначили основные «русла», в которых двигалась музыковедческая мысль в пространстве России того

времени. Тон зададо выступление Е. М. Орловой, известного исследователя и пропагандиста концепций академика Б. В. Асафьева (Ярославль): «Некоторые закономерности современной музыкальной жизни как процесса интонирования». Второе направление обозначил доклад М. А. Этингера (Астрахань) — «Вопросы музыкального краеведения».

В сообщениях, следовавших сразу за докладами, был представлен краеведческий аспект, например (нумерую выступления по сохранившейся программе совещания):

3. «Музыкальная жизнь Сибири 60–70-х гг.» — В. М. Калужский, Б. А. Шиндин (Новосибирск).
 4. «Музыкальная культура Кубани (хоровое творчество, критика и публицистика)» — В. Г. Комисинский (Краснодар).
 5. «Музыкальная культура Хакасии (о фольклоре, о творчестве А. А. Кенеля)» — А. А. Асиновская (Новосибирск).
 6. «Музыкальная культура Нижнего Новгорода — Горького» — Н. Д. Бордюг (Горький).
- В большинстве последующих сообщений возобладало музыкально-теоретическое или историко-аналитическое направление, которым отличались темы столичных докладчиков. Ими местный материал не затрагивался:
8. «Стилевые направления советской музыки 50–70-х гг.» — Г. В. Григорьева (Москва).
 9. «Творчество Г. В. Свиридова в стилиевой панораме музыки XX века» — Л. В. Полякова (Москва).
 10. «Вопросы лада и гармонии в творчестве композиторов „новой фольклорной волны“» — Е. А. Николаева (Москва).
 11. «Эволюция стиля Р. Щедрина» — М. Е. Тараканов (Москва).

Некоторые представители регионов выступали со сходными музыкально-теоретическими обобщениями, не касающимися местной проблематики:

12. «Жанр концерто гроссо в инструментальной музыке советских композиторов» — Т. Н. Левая (Горький).
13. «Ранние формы многоголосия и современная полифония» — Ю. Г. Кон (Петрозаводск).
14. «„Реквием“ А. Шнитке и некоторые стилиевые

тенденции композитора в произведениях 70-х годов» — Е. Р. Скурко (Уфа).

Под номером 7 в программе значилось сообщение автора данной статьи «Чувашское музыкознание и его задачи». Оставаясь на почве местной культуры, по содержанию оно имело признаки теоретического анализа вопросов развития профессионального искусства, т. е. не было краеведческим в общепринятом значении¹. Оно спровоцировало замечания в адрес докладчика, возможно, именно из-за того, что не вписалось ни в одно из двух образовавшихся русел. В сообщении говорилось о множестве нерешённых проблем музыкального чувашеведения и цитировалось мнение венгра Ласло Викара, приведённое выше, — о важности работы исследователей, вышедших из самого народа и определённой предвзятости «внешнего» изучения. В ответ прозвучало: «О чувашеведении, башкироведении — не стоит говорить, не надо их обособлять. Хорошо подготовленный музыкант разберётся в вашей культуре не хуже вас». Ещё одно замечание касалось масштаба поднимаемых вопросов — утверждалось, что «региональные темы не диссертательны».

Сейчас, по прошествии нескольких десятилетий, понятно, что для подобного отношения к проблематике местного музыковедения в 1970–1980-е годы были объективные основания — его уровень в целом не выходил за рамки краеведения. Профессиональных музыковедов, как и композиторов, за пределами столиц было мало. Обобщённой оценкой уровня регионального музыковедения второй половины XX века стал тезис киевского музыковеда Е. С. Зинкевич об изучении современных национальных музыкальных культур России как некой «„донаучной стадии“ на пути от незнания к знанию». Актуальность его подтверждают как казанский музыковед Александр Маклыгин в 2000-м году [1. С. 23], так и московский — Татьяна Науменко в 2015-м [5. С. 15].

В самом широком плане это представление, безусловно, имеет под собой основание. Речь

идёт о краеведческом накоплении материала «на местах», при котором собственно научно-теоретические вопросы и задачи, характерные для музыковедения, остаются вне поля зрения и, порой, вне компетенции исследователя. Одной из причин «донаучного» статуса материалов по местным культурам было их административно-политическое ранжирование. В поле зрения официального музыковедения находились главным образом культуры народов четырнадцати братских союзных республик. Их проблематика признавалась «диссертательной». Изучение музыкального искусства народов пятнадцатой республики, России, — кроме, разумеется, русского народа, — в поле внимания музыковедения попало лишь после распада Советского Союза. С этого времени некоторые народы, живущие внутри России, стали проявлять себя как достаточно самостоятельные субъекты культуры и гуманитарной науки.

В известной степени исключение представляла собой ситуация в так называемых автономных республиках Поволжья и Приуралья. Нельзя сказать, что мы здесь, в Поволжье, были изначально ниже по уровню современной музыкальной культуры по сравнению с некоторыми республиками, обладавшими союзным статусом. Ещё в 1937 году композитор и музыковед В. М. Кривоносов писал в Управление по делам искусств при СНК Чувашской АССР: «Просмотрев в Москве все постановки Узбекского музыкального театра, я убедился, что и Чувашия имеет почти все данные для постановок такого же высокого качества. Несомненно, что вокальная культура (как солисты, так и хор) в Чувашии выше; кроме того, узбеки не имеют такого оркестра, какой имеется в Чувашии (узбекские оперы сопровождал оркестр Московского Большого театра). Что у узбеков значительно выше, это — культура танца» [Цит. по: 3. С. 20]. Картина через несколько десятилетий изменилась: в 1970-е годы в Чувашии гастролировал симфонический оркестр из Ташкента. В знак уважения к местной культуре музыканты исполнили одну часть из Симфонии до-ми-

нор чувашского композитора Г. Воробьёва. А в Чебоксарах филармонического оркестра уже не было. Другой показательный пример: в ноябре 1990 года в Алма-Ате, когда я демонстрировал участникам музыковедческого семинара хорошую музыку Чувашии дооктябрьского периода в грамзаписи (как раз вышла грампластинка фирмы «Мелодия» С 30 30045 009 «У истоков чувашской музыки»), от казахских музыковедов услышал уважительное: «Вы — культурный народ!». Любопытным наблюдением по этому поводу поделился бывший главный редактор журнала «Советская музыка» Ю. С. Коров: «...я очень много ездил по республикам Поволжья и Приуралья — это был регион, который мне оказался очень близок: Татария, Чувашия, Марийская, Мордовская автономные республики... Невероятно интересно было наблюдать процесс становления профессиональной культуры — в основном он шёл уже после Второй мировой войны (за исключением Татарии и, отчасти, Чувашии)» [Цит. по: 5. С. 13]. Т.е. в республиках Поволжья и Приуралья действовали и композиторы, и музыковеды значительно ранее распада СССР.

Согласно подходу историка отечественного музыковедения Т. И. Науменко, в качестве индикатора развития музыкальной науки в нашей стране предлагается рассматривать диссертационные исследования. Музыковеды нашего региона, сумевшие первыми ещё в 1960-е годы защитить исследования на соискание учёной степени кандидата искусствоведения, появились в Татарстане — Я. М. Гиршман (1963, тема — «Пентатоника и её развитие в татарской музыке»), Ч. Н. Бахтиярова (1964, тема — «О процессе взаимообогащения и сближения национальных музыкальных культур (на примере развития татарской музыкальной культуры)»), и в Чувашии — Л. В. Жирнова (1968, тема — «Народная песня в хоровом творчестве чувашских композиторов»). До этого времени единственное исключение представлял труд марийца Якова Эшпая, жившего в Москве. Он

защитил диссертацию на тему «Музыкальные инструменты марийского народа» и стал кандидатом искусствоведения (тогда — искусствоведческих наук, 1946 год). Процесс резко интенсифицировался после распада Советского Союза в 1990-е и 2000-е годы, когда музыковеды региона защитили работы на соискание учёной степени доктора искусствоведения. Показательно, что большинство диссертантов сконцентрировались на региональных темах:

- Бояркин Н. И. «Феномен традиционного инструментального многоголосия: На материале мордовской музыки» (1995).
- Кондратьев М. Г. «Чувашская народная музыкально-поэтическая система и её инонациональные параллели» (1995).
- Эррэ Т. А. «Опера в Среднем Поволжье. Закономерности формирования жанра» (1995).
- Сайдашева З. Н. «Песенная культура татар Волго-Камья: Эволюция жанрово-стилевых норм в контексте национальной истории» (1998).
- Дулат-Алеев В. Р. «Национальная музыкальная культура как Текст: Татарская музыка XX века» (1999).
- Маклыгин А. Л. «Музыкальные культуры Среднего Поволжья: Становление профессионализма» (2001).
- Скурко Е. Р. «Стилевые проблемы башкирской музыки» (2003).
- Бражник Л. В. «Ангемитоника в модальных и тональных системах: На примере музыки тюркских и финно-угорских народов Поволжья и Приуралья» (2003).
- Смирнова Е. М. «Ритмический строй музыкально-поэтического фольклора татар-мусульман Волго-Уралья» (2010).
- Нуриева И. М. «Удмуртская музыкально-песенная традиция: специфика жанрообразования и функционирования» (2014).

По приведённому перечню видно, что в центре внимания наиболее значительных исследований находятся народные музыкальные традиции. Профессиональное композиторское искусство стало предметом лишь трёх авторов.

Исполнительскому искусству региона в диссертациях пока не уделено внимания.

Предметом регионального музыковедения становятся все области музыкальной культуры народов России, в том числе творчество, по известной формулировке Т. В. Чередниченко, «каноническое» и «неканоническое», т. е. народное (устное и профессиональное), профессиональное композиторское, профессиональное исполнительское. При изучении музыкального искусства местных народов, как уже отмечено, музыковеды в первую очередь обращаются к народному музыкальному творчеству. Об этом говорит достаточно большой перечень монографических публикаций, появившихся в течение последних десятилетий:

1950–60-е годы

Никифоров П. Н. Марийские народные музыкальные инструменты (Йошкар-Ола, 1959).

Илюхин Ю. А. Музыкальная культура Чувашии. Чувашская народная музыка (Чебоксары, 1961).

Абдуллин А. Х. Татарские народные песни (М., 1963).

Максимов С. М. Чувашская народная песня. Опыт исследования (в сборнике: Максимов С. М. Чувашские народные песни / Ред. В. М. Беляев. М., 1964).

1970-е годы

Исхакова-Вамба Р. А. Народные песни казанских татар крестьянской и городской традиций (Казань, 1976).

Фоменков М. П. Башкирская народная песня / Под ред. Л. П. Атановой (Уфа, 1976).

1980-е годы

Нигмедзянов М. Н. Народные песни волжских татар (М., 1982).

Бояркин Н. И. Мордовское народное музыкальное искусство (Саранск, 1983).

Чуракова Р. А. Удмуртские свадебные песни (Устинов, 1986).

Голубкова А. Н., Поздеев П. К. Сокровище народное. Очерк об удмуртской народной песне (Ижевск, 1987).

1990-е годы

Кондратьев М. Г. О ритме чувашской народной песни: К проблеме количественности в народной музыке (М., 1990).

Шаховской А. П. Народно-песенная культура бесермян (М., 1993).

Герасимов О. М. Народные музыкальные инструменты мари (Йошкар-Ола, 1996).

Исхакова-Вамба Р. А. Татарское народное музыкальное творчество (Традиционный фольклор) (Казань, 1997).

Нуриева И. М. Музыка в обрядовой культуре завятских удмуртов: Проблемы культурного контекста и традиционного мышления (Ижевск, 1999).

Герасимов О. М. Народная музыка мари: Традиции и современность (Йошкар-Ола, 1999).

2000-е годы

Нигмедзянов М. Н. Татарская народная музыка (Казань, 2003).

Сайдашева З. Н. Песенная культура татар Волго-Камья. Эволюция жанрово-стилевых норм в контексте национальной истории (Казань, 2002).

Имамудинова З. А. Культура башкир. Устная музыкальная традиция («чтение» Корана, фольклор) (М., 2000).

Хрущёва М. Г. Удмуртская обрядовая песенность (М., 2001).

Бояркин Н. И. Мордовская народная музыка: многоголосные инструментальные традиции. Ч. 1 (Саранск, 2004).

Каюмова Э. Р. Татарская народно-песенная культура Нового времени: Проблемы традиционного мышления и жанровой атрибуции (Казань, 2005).

Макаров Г. М. Традиционные духовые музыкальные инструменты татар Волго-Камья (Проблемы генезиса и эволюции) (Казань, 2006).

Сайдашева З. Н. Татарская музыкальная этнография (Казань, 2007).

Кондратьев М. Г. Чувашская музыка: От мифологических времён до становления современного профессионализма (М., 2007).

Смирнова Е. М. Ритмический строй музыкально-поэтического фольклора татар-мусульман Волго-Уралья (Казань, 2008).

Нуриева И. М. Импровизация в песенной культу-

ре удмуртов: жанр, стиль, мышление (Ижевск, 2014).

В постсоветские годы появился также ряд монографий, посвящённых проблемам истории и теории профессионального музыкального искусства республик региона. В большинстве случаев они посвящены темам, по которым писались докторские диссертации (см. приведённый выше перечень). Помимо этого можно назвать также музыковедческие труды, например: «Полифония в марийской музыке» М. Н. Мамаевой (Йошкар-Ола, 2004), «Татарский инструментальный концерт: Пути становления и развития» Т. А. Алмазовой (Казань, 2000), «Миф. Фольклор. Творчество: Марийская музыка в аспекте мифологизма XX века» О. К. Егоровой (Казань, 2005), «Ритмический строй музыки С. Сайдашева» А. Н. Хасановой (Казань, 2015).

Вместе с тем, именно сейчас мы начинаем разбираться и с нашим интеллектуальным багажом, т. е. трудами музыкантов начального этапа развития музыковедческой мысли в регионе. Так, в Татарстане вспомнили о теоретическом наследии Габяши. См., например, статью А. Л. Маклыгина «Теоретические взгляды Султана Габяши в контексте музыкальной науки его времени» в сборнике «Страницы истории татарской музыкальной культуры» (Казань, 1991). Марийские музыковеды обратились к наследию И. С. Палантая, проведя научную конференцию и выпустив в свет сборник «И. С. Палантай и многонациональная культура Среднего Поволжья» (Йошкар-Ола, 2011). В Чувашии музыковедение получило определённое развитие начиная с 1920-х годов в трудах С. М. Максимова (см. раздел «Научные искания» в моей книге «Степан Максимов: музыкант-просветитель», 2010) и Ф. П. Павлова (этому посвящена моя статья «„Одинокий путник в неведомой стране“: Фёдор Павлов — исследователь народной музыки», опубликованная в научном журнале «Музыка. Искусство, наука, практика» Казанской государственной консерватории имени Н. Г. Жиганова в 2018 году).

В настоящее время музыкальная наука Волго-Уральского региона обращается к разработке фундаментальных понятий, без которых не представляется возможным найти адекватную методологию для понимания сущности современной музыкальной культуры Волго-Уральского региона. Среди таковых:

— понятие о национальной композиторской школе (или, по формулировке новосибирской коллеги М. Н. Дрожжиной, «молодая национальная композиторская школа»), с подсистемами национально-традиционного и национально-инновационного стилей. Недавняя конференция в Чебоксарах была посвящена 100-летию композитора Геннадия Воробьёва, ибо фигура эта символична для разговора о национальной композиторской школе. Данная тема разработана в работах ряда музыковедов — И. В. Даниловой, Л. И. Бушуевой, Т. В. Полковниковой;

— региональные музыкально-исторические исследования непременно должны опираться на теорию ладовых систем, в частности, местных форм пентатоники;

— не менее значима для изучения музыки региона теория музыкального ритма, специфические формы которого отличают местные культуры;

— понятие о музыкальной цивилизации (метакультуре) — в данном случае Волго-Уральской. Возникшее на материале устного музыкального творчества местных народов, оно, несомненно, может быть применено и к композиторскому и исполнительскому искусству народов Волго-Уральского региона, если подняться до обобщений соответствующего уровня. Подходы к этой проблематике просматривались уже в первые годы XXI века, например, в трудах казанских авторов — А. Л. Маклыгина («Музыкальные культуры Среднего Поволжья: Становление профессионализма», 2000) и Л. В. Бражник («Ангемитоника в модальных и тональных системах: На примере музыки тюркских и финно-угорских народов Поволжья и Приуралья», 2002).

Разумеется, музыковеды вузовских центров — Казанской государственной консерва-

тории им. Назиба Жиганова и Уфимского государственного института искусств им. Загира Исмагилова — осваивают и внерегиональную проблематику, в этом отношении известны труды многих преподавателей, публикуемые в виде монографий и статей в сборниках. Но особое научное и общекультурное значение имеют труды, анализирующие ценности музыки исторически сложившейся Волго-Уральской «музыкальной цивилизации» и каждой входящей в неё национальной культуры — как в старинных устных традициях, так и в достойных внимания плодах творчества композиторов и исполнителей. Это оригинальный, свежий, пока малоизвестный вне границ региона материал. Музыковеды делают огромную работу, обеспечивая его полноценное функционирование в современном мире, адекватное его развитию. В этом видится не региональное, а универсальное значение для освещения культуры многонациональной России.

Музыкальная наука на территории Волго-Уральского региона молода, она стала формироваться в XX веке. Её центры связаны с развитием национальных культур. Каждый из них в зависимости от тех или иных условий имеет своё направление. Так, Казань — наиболее развитый центр музыкальной науки, ориентированный на изучение как национальной культуры, так и мировой. В Уфе музыкальная наука сосредоточена в Уфимском государственном институте искусств (возник в 1968 году на базе функционировавшего в Уфе учебно-консультационного пункта Московского государственного музыкально-педагогического института им. Гнесиных) и ориентирована, как и в Москве, более всего на изучение мировой культуры. В Чебоксарах музыкальная наука ориентирована прежде всего на изучение национальной культуры, как устной, так и профессионально-письменной традиции. В Ижевске, Йошкар-Оле, Саранске местные музыковедческие силы имеют наиболее значительные результаты в музыкальной этнографии и фольклористике.

Музыкальная наука — составная часть современной музыкальной культуры европей-

ского типа, высокоразвитая отрасль современного гуманитарного знания, включающая в себя историю и теорию народного и профессионального музыкального творчества (композиторского и исполнительского), а также обеспечивающая основы профессионального образования. Важна роль музыкальной науки в развитии всех форм культуры — традиционных и инновационных, устных и письменных, низких и высоких, а также в поддержании их баланса. Последнее важно для реалий культуры народов современной России. Разрабатывая многие частные вопросы развития музыкального искусства наших народов и республик, мы уже практически преодолели уровень «донаучной стадии» и постепенно выходим на методологически обоснованный уровень современной науки.

Примечание

- ¹ Под краеведением принято понимать изучение природы, населения, хозяйства, истории и культуры какой-либо части страны, административного или природного района, населённых пунктов главным образом силами любителей из местного населения.

Список литературы

References

1. *Маклыгин А. Л.* Музыкальные культуры Среднего Поволжья: Становление профессионализма. — Казань: Казан. гос. консерватория, 2000. — 311 с. [*Maklygin A. L.* Muzykal'nye kul'tury Srednego Povolzh'ya: Stanovlenie professionalizma. — Kazan': Kazan. gos. konservatoriya, 2000. — 311 s.].
2. *Мошков В. А.* Мелодии Волго-Камья / В. А. Мошков [под ред. М. Г. Кондратьева и Н. Ю. Альмеевой]. — Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2011. — 366 с. [*Moshkov V. A.* Melodii Volgo-Kam'ya / V. A. Moshkov [pod red. M. G. Kondrat'eva i N. Yu. Al'meevoj]. — Cheboksary: Chuvash. kn. izd-vo, 2011. — 366 s.].
3. Музыкальное образование в культуре Чувашии. Посвящается В. М. Кривonosову (1904–1941). — Чебоксары: ЧГИГН, 2007. — 234 с. [*Muzykal'noe obrazovanie v kul'ture Chuvashii. Posvyashchaetsya V. M. Krivonosovu (1904–1941).* — Cheboksary: CHGIGN, 2007. — 234 s.].
4. *Науменко Т. И.* Научная текстуализация как процесс (на материале диссертаций 1990 — 2000-х годов) // *Музыковедение*. — 2013. — № 6. — С. 40–45. [*Naumenko T. I.* Nauchnaya tekstualizaciya kak process (na materiale dissertacij 1990-h — 2000-h godov) // *Muzykovedenie*. — 2013. — № 6. — S. 40–45].
5. *Науменко Т. И.* Национальная тематика в музыковедческих исследованиях: История и современность // *Музыка как национальный мир искусства: Материалы Международной научной конференции. Казань, 23–25 апреля 2015 года*. — Казань: Казан. гос. консерватория, 2015. С. 6–18 [*Naumenko T. I.* Nacional'naya tematika v muzykovedcheskih issledovaniyah: Istorija i sovremennost' // *Muzyka kak nacional'nyj mir iskusstva: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Kazan', 23–25 aprelya 2015 goda*. — Kazan': Kazan. gos. konservatoriya, 2015. S. 6–18].
6. *Chuvash Folksongs by László Vikár and Gábor Bereczki*. — Budapest: Akadémiai Kiadó, 1979. — 579 p.